

А.Б. Ланцова

Иван Северьянович Флягин

Флягин Иван Северьяныч, он же Иван Голован, отец Измаил, — герой повести Н.С. Лескова «Очарованный странник», бывший «конэсер», монах в «малом постриге», «очарованный странник», путешествующий в Соловецкий монастырь.

Флягин — «человек огромного роста, с смуглым открытым лицом и густыми волнистыми волосами свинцового цвета: так странно отливала его проседь. Он... одет в послушничьем подряснике с широким монастырским ременным поясом и в высоком черном суконном колпачке... в полном смысле слова богатырь, и притом типичный, простодушный, добрый русский богатырь, напоминающий Илью Муромца в прекрасной картине Верещагина и в поэме графа А.К. Толстого». У него густые, «вверх, по-гусарски», закрученные усы. Весь его облик никак не соответствует привычному образу послушника.

Пассажиры, плывущие по Ладожскому озеру к Валааму, угадывают в нем человека «много видевшего и, что называется, «бывалого». Он «держится смело, самоуверенно, хотя и без неприятной развязности», говорит «приятным басом с повадкою», «мягко выпуская слово за словом».

Родился Флягин «в крепостном звании», «из дворовых людей графа К. из Орловской губернии». Родитель его «кучер Северьян, и хотя приходился он не из самых первых кучеров... но, однако, он шестериком правил и в царский проезд один раз в седьмом номере был и старинною синей ассигнацией жалован». Родительница Ивана умерла после родов оттого, что он «произошел на свет с необыкновенною большою головою»; за что получил прозвище Голован. Она хотела, чтобы сына отдали в монахи.

От отца и других кучеров, которых «было большое множество» у графа, Флягин «постиг тайну познания в животном», «возлюбил коня». С детских лет он ездит с отцом на киргизском шестерике фореитором. «Лошади были жестокие», «устали никогда не знали», но Иван со своей нелегкой должностью справлялся и в одиннадцать лет имел голос «как по тогдашнему приличию для дворянских фореиторов требовалось: самый пронзительный, звонкий и до того продолжительный, что... мог... завести и полчаса этак звенеть».

Флягин — «богатырь-черноризец», но в детстве «дальние пути не мог свободно верхом переносить», и его «приседывали к лошади». Скоро он освоился и стал «фореиторское озорство» выказывать: «какого-нибудь встречного мужика кнутом по рубахе вытянуть». От его озорства погибает под лошадьми монах, которого Флягин засек кнутом. Этот монах с бабьим лицом часто приходит к нему во сне. «А вот, — говорит, — тебе знамение, что будешь ты много раз погибать и ни разу не погибнешь, пока придет твоя настоящая гибель, и ты тогда вспомнишь материно обещание за тебя и пойдешь в чернецы». Однако в молодости Флягин беспечно относится к удивительному видению и знамению.

Теперь, когда Ивану Северьянычу идет пятьдесят третий год, он иначе относится к словам умершего монаха о том, что сын он «молитвенный», «обещанный». «Отец Измаил» понимает, что знамение сбылось, и говорит об этом своим попутчикам: «Всю свою жизнь я погибал и никак не мог погибнуть».

Флягин незаметно включается в разговор пассажиров о самоубийцах, и его первая «дивная история» о «попике — прегорчающем пьянице», который «ведает и исправляет дела самоубийц после их смерти», заинтересовала их. На просьбу попутчиков рассказать им историю своей жизни Флягин откликается охотно, но предупреждает их, что «...всей моей обширной протекшей жизненности даже обнять не могу».

Он ведет «повествование своего минувшего» «со всею откровенностью своей простой души». Флягин старается говорить спокойно и обстоятельно «с самого первоначала». Однако поникшая вдруг голова, затянувшаяся пауза или вздох, вырвавшийся «из глубины расхолодившейся груди», выдают его переживания. На реплики и замечания он реагирует хладнокровно, с пониманием. Флягин считает себя человеком «не из начитанных», но все его рассказы глубоки и самобытны. Речь его постоянно меняется, сохраняя колорит той среды, в которой ему приходится вращаться. Рассказ Флягина напоминает исповедь, так как он ничего не утаивает, даже то, что монах погибает по его вине. Скоро и сам он оказывается на краю гибели. Это случается по дороге в Воронеж. Когда лошади понесли Голован, «видя неминуемую гибель, с подседельной бросился прямо на дышло и на конце повис». Лошадей ему удалось остановить, господ спасти. Он действовал так быстро, что не успел испугаться, а когда «опомнился и пришел в страх», руки ослабли, и он полетел в пропасть. Начинает сбываться знамение монаха. «...Словно какая невидимая сила спасла», – говорит мужик, подобравший его.

После господских милостей (гармонию купили) за «правосудие» над графской кошкой, съевшей голубят, и за издевательство над горничной Иван впадает в немилость. Немец-управитель приказывает его «как можно жесточе выпороть и потом с конюшни долой и в аглицкий сад для дорожки молотком камешки бить... «Голован не только «скор на руку», но и на поступки. Чтобы над ним не насмеялись, он решает «с своей жизнью покончить». Однако повеситься ему не удается: «только что размахнулся да соскочил с сука и повис, как... уже на земле» очутился. Оказавшийся рядом цыган спасает его жизнь, но губит душу. Со слезами идет Флягин в разбойники, становится вором.

У Флягина решительный и независимый характер. Из-за несправедливого дележа после продажи ворованного коня он ссорится с цыганом и уходит от него, на всю жизнь сохранив неприязненное отношение к этому племени.

К превратностям судьбы он относится спокойно. Когда его обирает писарь за «отпускной вид» и «заседателю печать» (документы, позволяющие ему свободно путешествовать), он не падает духом, с иронией думает о нем: «Хорош милостивец».

«...С Христовым именем без гроша медного», как повествует Флягин, он приходит в город Николаев и нанимается на работу к барину, как потом оказывается, — в няньки. Хозяин убеждает его согласиться: «Русский человек со всем справится». Флягин справляется по хозяйству: прибирается, за козой ходит, доит ее, с девчуркою «упражняется: то хорошенько вымоет, то головенку расчесывает, то на коленях качает». «...Скука... была тут несносная», – говорит он. Разнообразие вносит встреча с матерью девочки и офицером, с которым она сбежала. Сначала Флягин придерживается общепринятых правил: «если ты, презрев закон и религию, свой обряд изменила, то должна и пострадать». Потом он узнает, что женщина «насильно была выдана» «злою мачехою» за человека «неаккуратной жизни».

Увидев форсистого улана-ремонтера, Флягин думает: «Вот бы отлично с ним со скуки поиграть». От природы человек добрый, здесь он нарочно выбрасывает деньги, которые предлагает ему офицер за девочку, оскорбляет его и провоцирует на драку. В драке улан «ничего, кроме телесного огорчения, для себя не получил». Однако Флягину понравилось, «как он характером своим был горд и благороден»: офицер не подбирает деньги, а хочет взять ребенка.

Мать девочки, Маша, и ремонтер пытаются найти слабое место Флягина. Когда он не поддается на уговоры, они предлагают ему деньги, полагая, что это подействует на него. Но он отвечает женщине: «...Я себя не продавал ни за большие деньги, ни за малые, и не продам».

Поиграв с родителями ребенка «в свое удовольствие», Флягин становится прежним добрым и добродушным человеком. Богатое воображение помогает ему почувствовать состояние матери и любящей женщины. «И вот я и чувствую, – рассказывает он своим

спутникам, – как она, точно живая, пополам рвется, половина к нему, половина к дитяти...» Он отдает ребенка и сам бежит с ними в Пензу. Незадолго до этого Флягину снова привиделся «монах с бабьим лицом» и дикая степь. И хотя ему «ужасть как неохота было никуда от них идти», потому что он любит ребенка и привык к этой семье, ему приходится уйти. На прощанье выясняется, что офицер считает его «добрым мужиком», а Машенька с дочкой «очень плакать будут». Флягин просит офицера, чтобы он ударил его за оскорбление, которое нанес в драке. Но тот, по словам рассказчика, «вдруг, вместо того чтобы бить, сорвался с места и ну целовать меня...»

Оказавшись снова на улице, в чужом городе, Флягин не хочет больше испытывать судьбу. С горечью он думает: «Бродяжу, а все я нигде места под собой не согрею...» За городом на ярмарке Флягин окунается в привычную стихию и скоро забывает о своих сомнениях. Дикая степь привиделась ему не случайно: на ярмарке хан Джангар, «первый степной коневод» продает своих коней. Когда продавали белую кобылицу, Флягин почувствовал, как рванулась его душа «к этой лошади, родной страстию». Он готов за нее «не то что... душу, а отца и мать родную, и тех бы не пожалел».

Жизнь проверяет героя не только на физическую, но и психологическую выносливость. Ярче всего это проявляется в смертельном поединке, когда он стегается нагайками с татаринном Савакиреем. Когда он впервые увидел такое состязание, ему стало «очень любопытно»; он прислушивается к человеку, хорошо знающему эту науку: как надо бить, как дышать, как смотреть, как зубы и губы держать. Флягин все «любопытные приметы на ум взял», «всю эту азиатскую практику понял», и когда стал бороться с первым батырем во всех Рынь-песках, то «против этого его тонкого искусства (на опух бить) свою хитрую сноровку взял» и заперол противника до смерти.

Флягин повествует о своих приключениях добродушно и бесстрастно, с нотой сожаления. «Он через свое упорство да через политику так глупо себя допустил, – говорит Флягин, – что его больше и на свете не стало». Татарин, по его мнению, «дурак эдакий! до чего дотерпелся?», хотя и сам он на какое-то мгновение теряет сознание в этом состязании.

Эти события становятся для него роковыми. Из-за убийства противника ему приходится бежать с татарами от полиции. В Рынь-песках он невольно становится пленником. После первого побега Флягина «подщетишили», то есть в надрез на ступнях вложили «волосяную сечку» и дали ране затянуться. Сделано это было для того, чтобы пленник не мог бежать. Десять лет проводит он в степи с искалеченными ногами. Сначала его держат в енгурчевской орде, а потом у Агашимолы, у которого, по мнению рассказчика, он «еще жесточе погибал».

В степи раскрываются все новые и новые черты характера Флягина, его удивительные способности. «За лекаря был, – вспоминает он, – и лечил самих их, и скотину всю, и коней, и овец... всего больше жен ихних...»

Физические страдания он переносит легче, чем духовные. Татары дают ему жен, но он все равно остается здесь одиноким. Флягин жалеет татарок, но за своих не считает, так как они не православные. Детей он тоже за своих «не почитал». «Да что же их считать, недоумевает он, – когда они некрещеные-с и миром не мазаны». И детей ему приласкать доводилось редко: «не до них было», «тосковал, очень домой в Россию хотелось».

Хотя Флягин и не смог полюбить чужую землю, но он тонко чувствует ее красоту. «Знойный вид, жестокий; простор — краю нет; травы, буйство; ковыль белый, пушистый, как серебряное море волнуется, и по ветерку запах несет... а солнце обливает, жжет...» «И тут, — заключает он, — глубине тоски дна нет... Зришь сам не знаешь куда, и вдруг пред тобой отколь ни возьмется обозначается монастырь или храм, и вспомнишь крещеную землю и заплачешь». На солончаках ему еще хуже делается: «солнце рдеет, печет, и солончак блестит, и море блестит...»

Флягин — глубоко верующий человек; десять лет жизни на некрещеной земле кажутся ему адом. Он боится умереть неотпетым. «А умрешь, — думает он, — так как барана тебя в соль положат, и лежи до конца света солониною». Молится Флягин до испуга, «даже снег инда под коленами протает и где слезы падали — утром травку увидишь». Поэтому он, как ребенок, радуется миссионерам, забравшимся в эту глушь, но скоро понимает обреченность их усилий. Он хоронит одного из них, совершая христианский обряд.

Исключительный случай помогает Флягину бежать от татар. Заряженные трубки фейерверков, которые остаются после бегства двух то ли хивинцев, то ли индейцев, помогают ему запугать татар, показать свою силу, окрестить их «водицей над прорубью». Эти же фейерверки он использует для растравливания пятки. «Плоть на ногах взгноилась, — говорит он, — и вся та щетина, которую мне татары десять лет назад засыпали, с гноем вышла». Флягин терпит и эти мучения, лишь бы уйти из неволи на родину. На радостях, по его словам, «всю степь перебежал» за четыре дня.

Блуждая по степи, он выходит к рыбакам, которым в подпитии рассказывает свою историю. Однако Флягин остерегается и уходит от них в Астрахань. Флягин так бурно отмечал свое возвращение, что опомнился лишь в остроге, из которого его по пересылке привозят к старому графу. Дома Флягин проходит не менее жестокое, чем в степи, испытание верой: отец Илья исповедует его и три года не разрешает причащаться. Богомольный граф К. не хочет «вблизи себя отлученного от причастия терпеть», дает ему паспорт и отпускает на оброк. «Отрадно, — говорит Флягин, — я себя тут-то почувствовал, через столько лет совершенно свободным человеком, с законною бумагою».

Флягин ходит с ярмарки на ярмарку и «руководствует» бедных людей. Помогает им покупать хороших лошадей, оберегает от мошенников. Так он себе достаток собирает да магарыч пьет. И стал он «для всех барышников-цыган все равно что Божия гроза». Свой секрет в определении лошадей Флягин готов передать другому. За сто рублей рассказывает он, как узнать ценность коня, князю-ремонтёру. «Нет, Иван, — замечает он, — мне твоё дарования не понять, а лучше служи ты сам у меня конэсером и выбирай ты, а я только буду деньги платить». Отношения с князем у него складываются дружественные, «во всем в полной откровенности». Князь «снисходит» к запоям («выходам») Флягина. Последний «выход» стоит князю больших денег, а Флягину — потерю душевного покоя на долгие годы.

Флягин как сильная натура не может долго мириться со своей слабостью к вину. «Ужасно мне эта моя слабость надоела, — рассказывает он, — и вздумал я вдруг от нее избавиться». В трактире Флягин находит своего «избавителя», у которого «магнетизм», с помощью чего он может «запойную страсть в одну минуту свести».

Флягин — человек, чьи действия трудно предугадать. Даже в сильном опьянении он бережет от баринка-магнетизера деньги князя, но вскоре выбрасывает их под ноги красавицы цыганки. Приводит его к цыганам, видимо, по договоренности с ними, «магнетизер». У цыган Флягин чувствует что-то «сродное» с ними. Молодую цыганку Грушу, по его словам, «даже нельзя... описать как женщину», это «красы совершенство». Он забывает о рассудке, им владеют совсем другие чувства. «Себя не постыжусь и сей невиданной красоты скупостью не унижу... Пушу и я свою душу погулять вволю», — думает он, глядя, как Груша «на гусарову шапку наступает». Флягин вытаскивает из-за пазухи чужие деньги и всех «лебедей (сторублевые) под ноги ей бросает, а сам «в подобии беса» скачет.

Основная направленность образа Флягина — безграничность натуры русского человека. Случай в трактире и у цыган приоткрывает новые стороны характера Флягина. Князь пытается разьяснить ему причину, по которой он выбросил все деньги под ноги Груше: «ты настоящий артист, высокой степени артист». Как у артиста, у него прекрасная интуиция, которая помогает ему чувствовать коня, чувствовать людей, кроме того, у Флягина

богатое воображение, образная речь. Он по-своему характеризует состояние, которое испытали они с князем: «краса природы, совершенство, и за это восхищенному человеку погибнуть... даже радость».

Флягин хорошо знает непостоянство князя и уверен, что через полгода его страсть к Груше пройдет и она надоест ему. Когда это случается, он пытается развеселить Грушу, помочь ей, соглашается поехать в город и узнать, что замышляет князь. Сам Флягин тоже любит Грушу. От одной мысли, что «она здесь», у него «в боках жарко становится», «в уме мешается». По словам Флягина, она начала обращаться с ним «очень дружественно»: приглашает слушать песни, угощает чаем, разговаривает. Позднее он стал «к ней запросто вхож». «Когда князя нет, – рассказывает Флягин, – я всякий день два раза на день ходил к ней во флигель чай пить и как мог ее развлекал». Поэтому как оскорбление воспринимает он делание князя женить его на Груше. Опасаясь Флягина, князь отправляет его по делам, а сам прячет цыганку и готовится к свадьбе с дочкой предводителя. Вернувшись, Флягин не находит себе места, идет в лес с думой: «...Не попаду ли где на ее тело убитое». Его чувства прорываются наружу. «И стало мне таково грустно, таково тягостно, – вспоминает он, – что даже, чего со мною и в плену не было, начал я с невидимой силой говорить и, как в сказке про сестрицу Аленушку сказывают, которую брат звал, зову ее, мою сиротинушку Грунюшку, жалобным голосом».

Найдя наконец Грушу, Флягин видит, что «женщина в расстройстве и в иступлении ума», «страшно... переменялась». Он пытается отговорить ее от задуманной мести, зовет с собой. Увлечшись, Флягин не замечает, как совершает ошибку: «сдуру пообещал» и «ее душу проклял». Он не может решиться убить ее ножом, как просит Груша. Тогда она «стала такое несть, что терпеть нельзя», обещается стать «самою стыдной женщиной». «Я весь задрожал, – говорит Флягин, – и велел ей молиться, и колоть ее не стал, я взял да так с крутизны в реку и спихнул...

Флягин чудесный рассказчик. Однако слушатели долгое время воспринимали его приключения как сказку, и только история Груши меняет их мнение. Лесков замечает, что путешественники «впервые заподозрили справедливость его рассказа и хранили довольно долгое молчание». Эта история особенно тяжела для Флягина: он часто прерывает свой рассказ, снова переживая события той ночи, зовет-причитает Грунюшку, морщит брови, кусает усы, а финал истории «словно выдохнул из глубины расходившейся груди».

Флягин, считая самым дорогим на свете спасенье своей души, хочет очиститься от греха, пострадать за Грушину душу. Он называется Петром Сердюковым и вместо него идет в рекруты на войну с горцами. От стариков родителей Сердюковых получает «на дорожку монетою двадцать пять рублей», которые вкладывает за Грушину душу в монастырь. В последний год из пятнадцати лет службы на Кавказе он отзывается на слова полковника: «Нет ли из вас кого такого, который на душе смертный грех за собой знает? Помилуй Бог, как бы ему хорошо теперь своей кровью беззаконие смыть?» Флягин переправляется за реку Койсу по ледяной воде со словами: «Ну, Груша, сестра моя названная, прими за себя кровь мою!» На благодарность и похвалу полковника отвечает: «Я, ваше высокоблагородие, не молодец, а большой грешник, и меня ни земля, ни вода принять не хочет». Флягин открывается, что он не Петр Сердюков, что «на своем веку много невинных душ погубил». Однако в его рассказ никто не верит, никакие документы правдивость его слов не подтверждают. Флягин был жалован «Георгием», произведен в офицеры и отпущен в отставку.

На гражданской службе Флягин вновь не может найти покоя: его не удовлетворяет нудная безденежная работа справщиком в паспортном столе на букву «фита» (последнюю букву алфавита). Не нравится ему и жизнь в «артистах»: «Во-первых, разучка вся и репетиция идет на Страстной неделе или перед масленицей, когда в церкви поют: «Покаяния отверзи ми двери», а во-вторых, у меня роль была очень трудная». В роли демона ему приходится терпеть на себе лохматую шкуру козла, выносить «с полдня... до самой ночи»

побои палками. Здесь задеты не только религиозные чувства Флягина, но и чувство справедливости. За то, что он вступается за достоинство бедной дворянки, которая фею представляет, его прогоняют из театра.

«Совсем без крова и пищи было остался», – говорит он. Некоторое время его «благородная фея питала», потом ему «стало совестно», и он «взял и пошел в монастырь». «Деваться было некуда», уточняет Флягин. В этом поступке Флягина просматривается его практическая сметка. Не случайно он сравнивает монастырскую жизнь с полковой: «Здесь много сходственного, все тебе готово: и одет, и обут, и накормлен, и начальство смотрит и повиновения спрашивает».

Отец Измаил, как теперь зовут Флягина, бережет свою душу от искушения беса и бесенят. Он побеждает беса, по его словам, «все одним измором»: «вначале... до тысячи поклонов ударял и дня по четыре ничего не вкушал и воды не пил...» Так он спасается постом и молитвой, однако ему «все Груша столь живо является, что вот словно ею одною вокруг... весь воздух дышит». Беса, который является в обольстительном женском образе, отец Измаил одолевает, но покоя не находит. Не помогает ему и старая церковная дверь, «на коей Петр-апостол написан».

В монастыре с ним происходят удивительные случаи, которые раскрывают новые стороны его характера. В своем стремлении одолеть беса отец Измаил настолько одержим, что убивает топором корову, которая беспокоит его за дверью и которую он принимает за дьявола. Он сердится на бесенят, роняющих у него под рукой свечи, «...Да взял и все остальные свечи рукой посбивал», – рассказывает отец Измаил. За эти преступления он «все лето до самых заморозков» сидит в погребке, где открывается его дар пророчества. Ко всем испытаниям в монастыре Флягин относится еще более спокойно, чем к прежним. «Как же можно сравнивать? – говорит отец Измаил, – здесь и церковный звон слышно, и товарищи навещали. Придут, сверху над ямой станут, и поговорим, а отец казначей жернов мне на веревке велели спустить, чтобы я соль для поварни молот. Какое же сравнение со степью или с другим местом».

У Флягина особое отношение к душе. Размышляя, он задается вопросом: почему «у меня самоничтожный дух и сколько я через него претерпеваю, а ничего не усовершенуюсь». Три ночи он просит у Бога «другой более соответственный дух» и ожидает «иного в душе совершения». Наконец, обретя дар пророчествования, он понимает, что прощен Богом, и теперь ему «за народ очень помереть хочется». Однако в монастыре его не понимают, считают сумасшедшим, запирают в пустой избе на огороде. Лекарь, присланный игуменом, называет Флягина «барабаном». «Экий, говорит, ты, братец, барабан: били тебя, били, и все никак еще не добьют».

Флягин верит в свое дальнейшее предназначение — идти воевать, умереть за народ. Перед смертью он «на богомолении в Соловки к Зосиме и Савватию благословился», поэтому и путешествует вместе с пассажирами, которым исповедуется. «Все мне монахом в видении предреченное в настоящем житейском исполнении оправдалось за мое недоверие», – замечает Флягин в самом начале своего повествования. Теперь он верит прорицанию монаха «с бабьим лицом» и чувствует приближение смерти. Это замечают слушатели: «очарованный странник как бы вновь ощутил на себе наитие вещательного духа и впал в тихую сосредоточенность».

Лесков заканчивает рассказ многозначительным замечанием: «а провещания его остаются до времени в руке Сокрывающего судьбы свои от умных и разумных и только иногда открывающего их младенцам».